

КАЙЯ (КАҮА) против ТУРЦИИ
Судебное решение от 19 февраля 1998 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Заявитель, г-н Мехмет Кайя, родившийся в 1949 г., гражданин Турции. Во время событий, положивших начало настоящему делу, он проживал в деревне Долунэ в юго-восточной части Турции. Его брат, г-н Абдулменаф Кайя, был убит 25 марта 1993 г. в окрестностях Долунэ при обстоятельствах, вызывающих весьма серьезные сомнения и которые положили начало рассмотрению дела в органах Конвенции.

Заявитель и Правительство Турции представили различные, объяснения обстоятельств лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. Заявитель утверждает, что г-н Абдулменаф Кайя был безоружен, когда солдаты сил безопасности Турции застрелили его, а затем подложили к его телу автомат системы Калашникова. Правительство заявило, что в тот день солдаты подверглись обстрелу со стороны членов Рабочей партии Курдистана (РПК), начали отстреливаться, и после боя на месте происшествия было обнаружено тело убитого Абдулменафа Кайя, рядом с которым находился автомат.

В тот же день врач и государственный прокурор округа вылетели на место событий на вертолете. После проведения на месте происшествия внешней экспертизы тела убитого Абдулменафа Кайя врач составил заключение, что причиной смерти стала сердечно-сосудистая недостаточность, которая была вызвана ранами, полученными от огнестрельного оружия. Врач считал, что в проведении судебно-медицинского вскрытия не было необходимости; в этих условиях оно было практически невозможным.

20 июля 1993 г. материалы дела были переданы государственному прокурору Суда государственной безопасности провинции Диярбакыр. Вероятно, дело все еще ожидает рассмотрения в этом суде.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 23 сентября 1993 г., заявитель утверждает, что его брат был убит сотрудниками сил безопасности и не было проведено должное расследование обстоятельств его гибели и соответственно были нарушены статьи 2, 3, 6, 13 и 14 Конвенции. Заявление было признано приемлемым 20 февраля 1995 г.

Предприняв безуспешную попытку добиться мирового соглашения, Комиссия представила 24 октября 1996 г. доклад, в котором изложила факты по делу и выразила мнение, что была нарушена статья 2, поскольку рассле-

дование обстоятельств смерти, проведенное государственными органами, было недостаточно полным (двадцатью семью голосами против трех); что не имело места нарушение статьи 3 Конвенции (единогласно); что имело место нарушение статьи 6 Конвенции (двадцатью семью голосами против трех); что не возникло отдельного вопроса по статье 13 (двадцатью восьмью голосами против двух); и что не имело места нарушение статьи 14 Конвенции (единогласно).

Комиссия передала дело в Суд 5 декабря 1996 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предмете спора

55. Суд отмечает, что Комиссия при передаче дела в Суд просила решить, дают ли обстоятельства дела основания говорить *inter alia* о нарушении статьи 3 Конвенции (см. п. 1 выше). Однако заявитель не поддержал эту жалобу в Суде ни в своей памятной записке, ни при слушании дела (см. п. 53 выше). Ни Правительство, ни представитель Комиссии не затронули при слушании дела этот вопрос.

Принимая во внимание эти обстоятельства, Суд полагает, что нет необходимости рассматривать его.

II. Предварительные возражения Правительства

56. Правительство оспорило статус г-на Кайя как заявителя по данному делу. Оно усомнилось в том, сам ли заявитель подал жалобу в Комиссию, поскольку разбирательство было начато на основании его заявления г-ну Абдулле Кочу, представителю отделения Ассоциации по защите прав человека в Диярбакыре (см. п. 16 выше). Это заявление было написано г-ном Абдуллой Кочем и имело неразборчивую подпись, якобы сделанную г-ном Кайя. Комиссия посчитала это “жалобой”, исходя из ошибочного предположения, что в рассматриваемом деле имелся заявитель *bona fide*.

Правительство утверждало, что г-н Кайя не присутствовал лично ни на одном этапе разбирательства. Представляется важным, что он не появился на слушании, которое проводили представители Комиссии в Диярбакыре 9 ноября 1995 г., он также не подтвердил, что будет присутствовать на слушании, которое Комиссия планировала провести в Страсбурге в марте 1996 г.

Правительство просило Суд прекратить слушание дела по причине отсутствия заявителя.

57. Представители заявителя отвергли утверждение Правительства, подчеркнув, что в намерения их клиента всегда входило добиваться возмещения в органах Конвенции. Г-н Кайя активно участвовал в слушаниях на ранней стадии, когда он дважды делал заявления в упомянутую Ассоциацию по правам человека (см. п. 16—18 выше), когда он безуспешно пытался получить копию судебно-медицинской экспертизы и когда он установил контакт с жителями деревни, которые были свидетелями убийства его брата.

Только опасения репрессалий со стороны властей помешали ему присутствовать на слушании, которое проводили представители Комиссии. Кроме того, он подтвердил свое намерение продолжить участие в разбирательстве дела в Суде письменным заявлением из тюремной камеры в Диярбакыре (см. п. 2 выше).

58. Представитель Комиссии не сделал замечаний относительно предварительного возражения Правительства.

59. Суд отмечает, что Правительство не оспаривало статус г-на Кайя на стадии определения приемлемости или на какой-либо последующей стадии разбирательства дела в Комиссии. В единственном возражении, выдвинутом на стадии определения приемлемости, речь шла о неисчерпании внутренних средств, возражении, повторенном в Суде в связи с жалобой заявителя о нарушении статьи 6, а не в отношении приемлемости дела в целом (см. п. 100 ниже).

60. Поэтому следует считать, что Правительство потеряло право оспаривать в Суде приемлемость жалобы г-на Кайя оспаривая его статус заявителя (см. *mutatis mutandis* решение по делу Айдина от 25 сентября 1997 г. Reports, 1997-IV, с. 1885—1886, п. 58, 60). Поэтому предварительные возражения Правительства отклоняются.

III. О предполагаемом нарушении статьи 2 Конвенции

61. Заявитель подал жалобу о том, что в нарушение статьи 2 Конвенции его брат был преднамеренно и неоправданно лишен жизни 25 марта 1993 г. сотрудниками сил безопасности. Кроме того, тот факт, что государственные органы не провели расследование обстоятельств смерти г-на Абдулменафа Кайя, также делает их ответственными в соответствии с той же самой статьей. Эти два явные нарушения статьи 2 еще более усугубляются тем, что право на жизнь недостаточно защищено внутренним законодательством государства-ответчика.

Статья 2 Конвенции предусматривает:

“1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;
- (с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

62. Правительство оспорило факты, на которых основывались предположения заявителя, и настаивало на том, что его брат был убит сотрудниками сил безопасности, когда он принимал участие в нападении террористов на сотрудников сил безопасности, т. е. правомерно. По мнению Правительства, расследование, проведенное властями, было достаточным и приемлемым, учитывая очевидный характер обстоятельств дела.

В свою очередь, Комиссия пришла к заключению, что статья 2 была нарушена только в том отношении, что государственные органы не провели полное расследование обстоятельств убийства г-на Абдулменафа Кайя.

А. О предполагаемом незаконном убийстве брата заявителя**1. Аргументы сторон****(а) Заявитель**

63. Заявитель утверждал, что имеется достаточное число точных и совпадающих свидетельств не опровергнутых презумпцией, которые засвидетельствуют сделать вывод, что г-н Абдулменаф Кайя был преднамеренно убит сотрудниками сил безопасности при обстоятельствах, которые не представляли угрозы для их жизни (см. п. 39 выше). Государственные органы должны были доказать, что использование силы было оправданным при сложившихся обстоятельствах и что оно было строго соразмерным одной из целей, изложенных в статье 2 п. 2. Государственные органы не представили убедительных доказательств своего утверждения, что убитый был террористом, или что солдатам сил безопасности пришлось нанести ответный удар в целях самообороны перед лицом вооруженного нападения.

64. В этой связи заявитель подчеркнул, что Правительство не выдвинуло никаких доказательств, подтверждающих, что убитый применил оружие, которое было обнаружено рядом с его телом; Правительство также не объяснило, почему, если он был, как, оно утверждает, террористом, он был одет в гражданскую одежду. Более того, утверждение, что убитый был неопознанным террористом, погибшим во время перестрелки, плохо согласуется с тем, что государственный обвинитель и врач специально вылетели на место происшествия, чтобы провести судебно-медицинскую экспертизу, и что останки были впоследствии переданы жителям деревни для захоронения (см. п. 13—14, выше).

65. Кроме того, Правительство не представило никаких дополнительных фактов, подтверждающих, что в тот день произошло вооруженное столкновение. На месте происшествия не было обнаружено никаких доказательств, говорящих о продолжительной и интенсивной перестрелке (не было найдено, например, ни одной пули); не были также обнаружены следы крови, которые должны были бы остаться на пути отступления террористов.

66. Даже если было бы возможно предположить, что г-н Абдулменаф Кайя погиб в перестрелке с сотрудниками сил безопасности, государственные органы не могли бы все же оправдать его смерть, ссылаясь на статью 2 п. 2 Конвенции. Принимая во внимание многочисленные и тяжелые пулевые ранения, имевшиеся на теле убитого, а также отсутствие других раненых и убитых, следует признать, что Правительство не доказало, что применение силы было строго соразмерным для того, чтобы сотрудники сил безопасности могли защитить себя и обратить в бегство нападающих. Эти факты подтверждают вывод, что Абдулменаф Кайя стал объектом нападения и был преднамеренно убит.

67. Все сказанное заявителем, равно как и заявление г-на Хикмета Аксоя государственному обвинителю 17 июня 1994 г. (см. п. 16—21 выше), полностью совпали с теми неопровержимыми фактами, которые были установлены Комиссией (см. п. 39 выше), и убедительно объясняют, как Абдулменаф Кайя был преднамеренно убит сотрудниками сил безопасности. Ни сам заявитель, ни г-н Аксой не уклонялись добровольно от дачи показаний на слушании, которое проводилось представителями Комиссии в Диярба-

кыре 9 ноября 1995 г. Они оба не дали показаний из-за боязни подвергнуться репрессалиям со стороны властей. Действительно, опасения г-на Аксой подтвердились, когда его арестовали вскоре после даты, когда он был должен давать показания на слушании.

(b) Правительство

68. Правительство настаивало на том, что утверждения заявителя не подкрепляются доказательствами и основаны на показаниях лиц, которые не подверглись перекрестному допросу на слушании, проведенном представителями Комиссии. Заявитель не был очевидцем событий, которые, предположительно, произошли, а г-н Хикмет Аксой должен рассматриваться как свидетель, который дискредитировал себя тем, что был признан виновным в наркобизнесе и был связан с РПК. Г-н Аксой тоже отсутствовал на слушании, проведенном представителями Комиссии. Он не мог оправдать свое отсутствие опасениями репрессалий, поскольку, находясь в заключении, он не побоялся сделать прокурору обличающие заявления в адрес сотрудников сил безопасности (см. п. 20—21 выше).

69. Кроме того, в двух показаниях, по поводу произошедших событий, сделанных заявителем с чужих слов, имеются несоответствия, которые подрывают их достоверность. Так, было весьма маловероятно, что брат заявителя смог бы пробежать, будучи раненым, несколько сот метров, как утверждает заявитель в своем втором показании (см. п. 18 выше). Также представляется весьма сомнительным, чтобы сотрудник сил безопасности сообщил г-ну Аксою о смерти Абдулменафа Кайя, если последний действительно был преднамеренно застрелен солдатами (см. п. 21 выше).

70. С другой стороны, все сотрудники сил безопасности были последовательны и тверды в своих показаниях представителям Комиссии. Их показания о вооруженном нападении в тот день и последовавшее за этим обнаружение в кустах после отступления террористов какого-то неизвестного убитого человека с оружием были подтверждены добровольным показанием местного мэра в ходе другого разбирательства, проводившегося представителями Комиссии. По свидетельству мэра г-н Абдулменаф Кайя был убит во время вооруженного столкновения с сотрудниками сил безопасности.

71. Правительство также утверждает, что сомнения представителей Комиссии относительно официальной версии событий (см. п. 39 выше) безосновательны. Террористы понесли и другие потери, что было подтверждено наличием пятен крови на тропе, по которой они спасались бегством. Во всяком случае, по опыту предыдущих стычек, отсутствие убитых или раненых не противоречит тому, что имело место вооруженное и упорное столкновение. Более того, количество пулевых ранений на теле убитого полностью соответствует дальности стрельбы и огневой мощи автоматического оружия сотрудников сил безопасности. Г-ну Абдулменафу Кайя было достаточно попасть под такой огонь всего на несколько секунд, чтобы получить многочисленные поражения. Кроме того, ни возраст погибшего, ни его одежда не являются убедительными доказательствами того, что он не был террористом.

72. В заключение Правительство просило Суд сделать вывод, что г-н Абдулменаф Кайя был убит в столкновении с солдатами сил безопасности и что его смерть явилась результатом законного акта самообороны.

(с) Комиссия

73. В Суде представитель Комиссии заявил, что ее попыткам прояснить ход событий 25 марта 1993 г. препятствовало уклонение от встречи с ней заявителя и особенно г-на Хикмета Аксоя. Были заслушаны показания четырех сотрудников сил безопасности, единых в том, что они были обстреляны, нанесли ответный удар и что тело убитого в гражданской одежде было затем найдено в кустах у ручья, неподалеку от деревни Долунэ. Комиссия все же выявила целый ряд фактов, которые дают основания полагать, что убитый, возможно, не был террористом, который участвовал в вооруженном нападении (см. п. 39 выше). Тем не менее Комиссия пришла к заключению, что фактические обстоятельства, при которых погиб брат заявителя, остаются в определенной степени предметом домыслов и предположений и не дают возможности сделать не вызывающие никаких сомнений выводы, что он был предумышленно убит, как это утверждает заявитель.

2. Оценка Суда

74. Суд прежде всего отмечает, что он столкнулся с абсолютно противоречивыми описаниями смерти г-на Абдулменафа Кайя. Как заявитель, так и Правительство заявили в Суде, что неоспоримые обстоятельства, выявленные Комиссией (см. п. 39 выше), свидетельствуют в пользу позиции каждого из них, подтверждают их видение ситуации и подтверждают доводы и факты, которые они представили Суду. Однако такие же материалы были ранее представлены в Комиссию и должным образом рассмотрены ею в стремлении пролить свет на события 25 марта 1993 г. Однако Комиссия не смогла установить точный ход событий в тот день.

75. В этой связи важно подчеркнуть, что в соответствии со сложившейся практикой Суда установление и проверка фактов ложатся в первую очередь на Комиссию (статья 28 п. 1 и статья 31 Конвенции). Хотя Суд не связан выводами Комиссии и сам оценивает факты в свете всех материалов, имеющих в его распоряжении, он только в исключительных обстоятельствах пользуется этими своими полномочиями (см. из дел по статье 2 решение по делу Макканн от 27 сентября 1995 г. Серия А, т. 324, с. 50, п. 169; решение по делу Аксоя от 18 декабря 1996 г. Reports, 1996-VI, с. 2272, п. 38; вышеупомянутое решение по делу Айдина, с. 1888—1889, п. 70; и решение по делу Ментеша от 28 ноября 1997 г. Reports, 1997-VIII, с. 2709—2710, п. 66).

76. Суд убежден, что не существует каких-либо исключительных обстоятельств, которые заставили бы его сделать вывод, отличный от вывода Комиссии. В настоящем деле Комиссия не смогла составить полную картину фактических обстоятельств смерти г-на Абдулменафа Кайя. Выявлению фактов Комиссией значительно препятствовало то обстоятельство, что заявитель и особенно г-н Хикмет Аксой не дали показаний представителям Комиссии; также не удалось добиться присутствия на этих слушаниях жителей деревни, которые, согласно показаниям заявителя и г-на Хикмета Аксоя, были свидетелями — очевидцами предполагаемого лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя сотрудниками сил безопасности. Отсутствие возможности у представителей Комиссии проверить доказательную ценность их показаний и оценить их поведение при перекрестном допросе, проводимом представителями Правительства, следует рассматривать как фактор, серьезно препятствующий получению неоспоримых доказательств и соответственно вынесе-

нию Комиссией безупречного решения (см. п. 38 выше), а именно — доказательство вне всяких сомнений (см. вышеупомянутое решение по делу Айдина, с. 1889, п. 72).

77. Следует также отметить, что заявитель полагается в основном на сомнения, которые вызвали у представителей Комиссии отдельные пункты отчета Правительства об этих событиях. В свою очередь Суд считает, что эти сомнения правомерны, поскольку они не были устранены объяснениями Правительства на слушаниях дела в Суде (см. п. 70 выше). Суд не убежден в том, что все это, вместе взятое, обосновывает утверждение заявителя. Хотя и справедливо, что неоспоримость доказательств может быть достигнута (см. п. 76 выше) при наличии достаточно веских, четких и согласующихся выводов (см. вышеупомянутое решение по делу Айдина, с. 1889, п. 72), необходимо заключить, что их доказательная ценность должна рассматриваться в свете обстоятельств данного дела, чтобы противостоять полному отсутствию прямых устных свидетельских показаний о происшедшем представителям Комиссии со стороны заявителя.

78. Учитывая сбор и оценку фактов Комиссией и результаты своего собственного рассмотрения доказательств, Суд полагает, что нет достаточных оснований, позволяющих заключить, что г-н Абдулменаф Кайя был, вне всяких сомнений, преднамеренно убит сотрудниками сил безопасности при обстоятельствах, о которых утверждает заявитель.

В. О предполагаемых пробелах следствия

1. Аргументы сторон

(а) Заявитель

79. Заявитель утверждает, что фактически не было проведено никакого официального расследования лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. В данных, полученных в результате судебно-медицинской экспертизы, проведенной на месте событий, не зарегистрировано таких важных сведений, как характер пулевых ранений на теле погибшего, их размеры и количество. Неполный и поверхностный характер экспертизы подтверждается отсутствием каких-либо сведений о наличии или отсутствии следов пороха на руках или одежде погибшего или каких-либо данных о расстоянии, с которого были сделаны выстрелы, повлекшие смерть. Не удалось обнаружить фотографий тела убитого, которые были предположительно сделаны, и, по-видимому, нет никаких сведений о том, где они хранятся (см. п. 34 выше). Решение о передаче тела убитого жителям деревни (см. п. 14 выше) сразу же после проведения судебно-медицинской экспертизы на месте происшествия сделало невозможным проведение каких-либо дополнительных медицинских или патологоанатомических исследований тела убитого или его одежды.

80. Более того, прокурор не провел конкуретного расследования на месте происшествия. Не было предпринято никаких попыток проверить оружие, которое предположительно принадлежало убитому, на наличие на нем отпечатков пальцев или сохранить пули, находящиеся в теле, для дальнейшего анализа. У солдат не было взято никаких показаний ни после инцидента на месте происшествия, ни впоследствии, хотя никто из военных свидетелей, которые подписали отчет о происшествии (см. п. 14 выше) или

которых опросили представители Комиссии, не смог подтвердить, что они действительно видели, как г-н Абдулменаф Кайя был убит во время предполагаемого нападения. У прокурора не было никаких сомнений, что пострадавший являлся террористом, убитым в этой стычке. Эта убежденность предопределила его отношение к последующему расследованию, фактически исключив возможность рассмотрения любого альтернативного варианта причины его смерти.

81. Из этого следует только один вывод: расследование было поверхностным и неполным, что свидетельствует о пренебрежении обязательством защитить право на жизнь в нарушение статьи 2 Конвенции.

(b) Правительство

82. Правительство заявило, что при сложившихся обстоятельствах расследование с полным основанием могло быть сведено к минимуму. Было очевидно, что г-н Абдулменаф Кайя погиб в стычке с сотрудниками сил безопасности. Во время перестрелки он был вооружен и был застрелен, когда пытался убить других. Несмотря на явную опасность, которой подвергались прокурор и доктор Догру, они мужественно провели осмотр тела и судебно-медицинскую экспертизу на месте. Было дано заключение, подготовлено свидетельство о смерти, и тело убитого, которое еще не было опознано, передали жителям деревни. Позднее были предприняты официальные попытки опознать тело, и государственный обвинитель передал документы в Суд государственной безопасности для проведения дальнейшего расследования. Этот суд, в свою очередь, передал документы в Административный совет округа.

83. Правительство утверждает, что, учитывая очевидность обстоятельств дела в свете статьи 2 Конвенции, от властей нельзя было требовать большего.

(c) Комиссия

84. Комиссия считает, что обстоятельства смерти г-на Абдулменафа Кайя остаются неясными и как таковые требовали проведения тщательного расследования, особенно потому, что оставался без ответа целый ряд важных вопросов, вызывающих сомнения, действительно ли г-н Абдулменаф Кайя являлся террористом, который был убит в вооруженном столкновении с силами безопасности (см. п. 39 выше). Однако расследование было весьма неполным в том, что касалось проведения внешнего осмотра, судебно-медицинской экспертизы тела убитого и места происшествия, а также мер, которые были позже приняты прокурором г-ном Екремом Илдисом. Прокурор исходил из предположения, что убитый был террористом, не подвергая сомнению подлинность фактов в отчете, представленном представителями сил безопасности. Государственный обвинитель при Суде государственной безопасности также не считал необходимым проверить, имелись ли какие-либо основания для утверждений, сделанных г-ном Хикметом Аксом 17 июня 1994 г.

85. По этим основаниям Комиссия сделала вывод, что расследование имеет такие пробелы, что нарушение обязательства защищать право на жизнь очевидно вопреки требованиям статьи 2 Конвенции.

2. Оценка Суда

86. Суд напоминает, что общий правовой запрет произвольного лишения жизни государством, предусмотренный в статье 2 Конвенции, был бы на практике неэффективным, если бы не существовало процедуры контроля законности применения государственными властями силовых методов, способных причинить смерть. Обязательство защищать право на жизнь, согласно статье 2, вместе с общей обязанностью государств по статье 1 Конвенции обеспечить “каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции”, предполагают наличие действенной формы официального расследования в том случае, когда лица лишаются жизни в результате применения силы *inter alios* представителями государства (см. вышеупомянутое решение по делу Маккана, с. 48, п. 161).

87. Суд отмечает, что в процессуальном плане защита права на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции включает обязанность властей отчитаться, почему было применено смертоносное оружие; это требует независимого и публичного расследования, чтобы определить, было ли применение силы оправданным в данных конкретных обстоятельствах.

88. Суд напоминает об утверждении Правительства, что настоящее дело представляет собой не вызывающий сомнений случай законного лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя сотрудниками сил безопасности, и поэтому от властей требовалось соблюдение минимальных формальностей. Суд не может согласиться с таким утверждением, поскольку в официальном отчете о происшедших событиях отсутствовали подкрепляющие доказательства. Кроме того, Суд считает, что и минимальные формальности, на которые полагалось Правительство, имеют серьезные пробелы, если даже предположить, как это делает Правительство, что налицо простой и оправданный случай лишения жизни силами безопасности.

89. У Суда вызывает удивление, в частности, тот факт, что прокурор, по-видимому, не сомневался в том, что убитый был террористом, который погиб при перестрелке с сотрудниками сил безопасности. Он не взял показаний у сотрудников сил безопасности на месте происшествия и не попытался проверить наличие стреляных гильз, которые должны были свидетельствовать об ожесточенной перестрелке, которую предположительно вели обе стороны. Поскольку он являлся независимым официальным лицом, проводящим расследование, ему следовало бы уделить больше внимания сбору доказательств на месте, с тем чтобы воспроизвести события и удостовериться, что убитый, несмотря на то, что он был одет как обычный крестьянин, являлся в действительности террористом, как это утверждается. Ничто не говорит о том, что он усомнился в версии событий, представленной сотрудниками сил безопасности.

Его готовность безоговорочно поверить в информацию, предоставленную сотрудниками сил безопасности, возможно, также объясняет, почему не было проверено наличие следов пороха на руках или одежде убитого или почему не было проведено дактилоскопическое исследование оружия. В любом случае эти просчеты должны считаться чрезвычайно серьезными в связи с тем, что тело убитого было позднее передано жителям деревни, что сделало невозможным проведение каких-либо дополнительных исследований, включая анализ пуль, находившихся в теле. Единственными доказательствами, взятыми с места событий для дальнейшего

расследования, были оружие и боеприпасы, предположительно использованные г-ном Абдулменафом Кайя. Хотя это и важное следственное действие, нельзя не отметить, что прокурор принял решение, не получив результатов баллистической экспертизы (см. п. 31 выше).

Данные судебно-медицинской экспертизы являются единственным документом, свидетельствующим о характере пулевых ранений, нанесенных убитому, их тяжести и расположении. Суд разделяет опасения Комиссии относительно неполноты этого документа по некоторым важным аспектам, в частности — отсутствие каких-либо данных о фактическом числе пуль, которые поразили убитого, и о какой-либо приблизительной оценке расстояния, с которого были сделаны выстрелы. Поскольку слишком много важных вопросов осталось без ответа, нельзя считать, что поверхностный характер проведенной экспертизы или другие данные, содержащиеся в отчете, могли бы послужить основой для последующего расследования или удовлетворить хотя бы минимальным требованиям расследования, не вызывающего сомнений в законности происшедшего.

Суд признает, что осмотр тела убитого и судебно-медицинская экспертиза проводились на территории, где активно действовали террористы, что, вероятно, сделало чрезвычайно трудным соблюдение стандартных процедур. Доктор Догру отметил это в своем отчете (см. п. 29 выше). Поэтому удивительно, что ни врач, ни прокурор не потребовали, чтобы тело убитого было доставлено вертолетом в более безопасное место, с тем чтобы дать возможность провести более тщательное обследование тела убитого, его одежды и пулевых ранений.

90. И позже прокурор не принял никаких конкретных мер по расследованию смерти г-на Абдулменафа Кайя: он не проверил, например, являлся ли убитый активным членом РПК, не опросил жителей, живущих в окрестностях Долунэ, слышали ли они выстрелы в тот день, не вызвал к себе для дачи показаний представителей сил безопасности, принимавших участие в этом столкновении. Его твердая, без тени сомнения уверенность в том, что убитый был террористом, погибшим в вооруженном столкновении с сотрудниками сил безопасности, не была подтверждена другими показаниями; принятое им малообоснованное решение фактически исключило виновность сотрудников сил безопасности в случившемся, включая превышение необходимых пределов применения вооруженной силы против предполагаемого вооруженного нападения. Следует также отметить, что государственный обвинитель при Суде государственной безопасности не потребовал проверить заявление, сделанное г-ном Хикметом Аксом 17 июня 1994 г. Он, например, не проверил реестр заключенных, находившихся в жандармерии Лиса, чтобы выяснить, находился ли там 25 марта 1993 г. или до или после этой даты г-н Аксой, как это утверждается (см. п. 20 выше).

91. Суд отмечает, что лишение жизни является трагедией, которая часто случается в ситуации, сложившейся в юго-восточной части Турции (см. вышеупомянутое решение по делу Айдина, с. 1873, п. 14). Однако ни большое число вооруженных столкновений, ни значительное количество несчастных случаев не могут заставить отказаться от предусмотренной статьей 2 обязанности обеспечить проведение действенного и независимого расследования причин и обстоятельств случаев лишения жизни в результате столкновения с сотрудниками сил безопасности, особенно таких случаев, как настоящий, когда обстоятельства дела являются во многих отношениях неясными.

92. Принимая во внимание вышеуказанные соображения, Суд, так же, как и Комиссия, пришел к заключению, что государственные власти не провели надлежащего расследования обстоятельств лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. Следовательно, в этом отношении статья 2 Конвенции была нарушена.

С. О предполагаемом отсутствии защиты права на жизнь во внутреннем законодательстве

93. Заявитель утверждал, что статья 4 п. 1 Декрета № 285 (см. п. 46 выше) возложила расследование и ведение дел, связанных с действиями сотрудников сил безопасности, на административные советы. Решения этих органов подвержены влиянию сил безопасности, когда речь идет об обвинениях, выдвигаемых против последних. Поэтому лишение жизни г-на Абдулменафа Кайя не было расследовано должным образом; напротив, на основании непроверенных показаний, представленных сотрудниками сил безопасности, считалось, что он был законно лишен жизни. При отсутствии независимой прокурорской системы для расследования обвинений в противозаконном лишении жизни сотрудниками сил безопасности нельзя утверждать, что право на жизнь достаточно защищено во внутреннем законодательстве государства-ответчика.

94. Ни Правительство, ни представитель Комиссии не выразили своего мнения в отношении этой жалобы.

95. Суд считает, что нет необходимости рассматривать эту жалобу, поскольку он уже признал нарушение государственными властями статьи 2 Конвенции из-за отсутствия действенного расследования обстоятельств смерти брата заявителя.

IV. О предполагаемых нарушениях статьи 6 п. 1 и статьи 13 Конвенции

96. Заявитель жалуется, что недостаточность официального расследования обстоятельств смерти его брата лишила его, вдову и детей убитого в нарушение права, гарантируемого статьей 6 п. 1 Конвенции, доступа к суду, чтобы вчинить иск о возмещении вреда. Эта статья предусматривает следующее:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав... на справедливое... разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом...”

97. Далее заявитель утверждал, что не существует эффективного механизма, к которому могли бы прибегнуть родственники убитого, чтобы установить истинные обстоятельства лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. Отсутствие возможности добиться правосудия означает нарушение статьи 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

1. Аргументы сторон

(a) Заявитель

98. По словам заявителя, отсутствовала возможность обратиться во внутренний суд, гражданский или административный, с требованием о возмещении и надеяться на успех, поскольку власти, проводившие расследование, были твердо убеждены в том, что г-н Абдулменаф Кайя был террористом, который погиб в вооруженном столкновении с сотрудниками сил безопасности. Соответствующая запись, сделанная прокурором в судебно-медицинском заключении, а затем в постановлении о невозбуждении дела (см. п. 31 выше), помешала родственникам убитого инициировать процедуру о возмещении вреда вследствие противозаконного лишения жизни Абдулменафа Кайя при обстоятельствах, которые предполагали ответственность государственных властей.

99. Заявитель утверждал далее, что, независимо от иска о возмещении убытков, родственники убитого нуждались в доступе к таким эффективным средствам защиты, которые помогли бы им установить правду о событиях, имевших место в тот день. При создавшихся обстоятельствах для родственников убитого это оказалось невозможно. Они пострадали из-за отсутствия системы эффективных средств защиты в государстве-ответчике в случае противозаконного убийства, совершенного сотрудниками сил безопасности. В этой связи заявитель обратил особое внимание на серьезные недостатки официального расследования, включая позицию прокурора, а также на тот факт, что досье дела в соответствии со статьей 4 п. 1 Декрета № 285 находилось в распоряжении административного совета, деятельность которого заявитель критиковал в своих предшествующих обращениях (см. п. 93, выше).

(b) Правительство

100. Правительство отвечало, что заявитель мог бы возбудить дело против Министерства обороны в административном суде или вчинить иск в гражданском суде к сотрудникам сил безопасности, которые, по его утверждению, лишили жизни г-на Абдулменафа Кайя. В последнем случае он мог бы настаивать на приобщении к делу свидетельств об умышленном убийстве, например опознав лейтенанта, который якобы отдал приказ открыть огонь (см. п. 21 выше), или лейтенанта, который предположительно сказал г-ну Хикмету Аксою, что г-н Абдулменаф Кайя был убит сотрудниками сил безопасности (см. п. 21, выше). По турецкому законодательству гражданскому суду не возбраняется рассматривать жалобу из-за отсутствия уголовного расследования; гражданский суд не связан и приговором уголовного суда, оправдавшим обвиняемого за действия, которые впоследствии стали основанием гражданского иска (см. п. 47—50 выше).

101. Однако, несмотря на наличие эффективных средств, заявитель ни на какой стадии даже не пытался предъявить иск о возмещении и не обратился в государственные органы с жалобой по поводу лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. Таким образом, он не исчерпал внутренние средства защиты. Следовательно, в данных обстоятельствах нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции не имело места.

(с) Комиссия

102. Комиссия пришла к заключению, что из-за недостатков расследования событий 25 марта 1993 г., проведенного властями, была нарушена статья 6, п. 1 Конвенции. Эти недостатки расследования лишили заявителя эффективного доступа к суду для признания его права на возмещение вреда. В этих обстоятельствах Комиссия не считает необходимым рассматривать, имело ли также место нарушение статьи 13.

103. При устном разбирательстве представитель Комиссии заявил, что, поскольку решение Суда по делу Аксоя еще не было вынесено, когда Комиссия рассматривала данное дело, она не могла воспользоваться выводами Суда в отношении жалобы г-на Аксоя по статьям 6 и 13 Конвенции.

2. Оценка Суда

(а) Статья 6 п. 1 Конвенции

104. Суд отмечает, что никто не оспаривает возможность применения статьи 6 п. 1 Конвенции к гражданскому иску о компенсации ближайшими родственниками лица, которое было лишено жизни представителями государства. Правительство утверждает, что заявителю следовало бы воспользоваться своим правом обратиться в гражданский или административный суд, независимо от исхода внутреннего уголовного расследования или осуждения кого-либо уголовным судом. Однако заявитель ни разу не обратился во внутренние суды.

105. При таких обстоятельствах Суд считает, что он не может определить, смогли бы внутренние суды вынести решение в случае, например, предъявления гражданского иска к отдельным сотрудникам сил безопасности. С другой стороны, следует отметить, что жалоба заявителя по статье 6 п. 1 Конвенции неразрывно связана с его жалобой более общего характера — на проведение государственными органами расследования обстоятельств смерти г-на Абдулменафа Кайя, а также на то, как отразилось это расследование на доступе к эффективным средствам защиты, что помогло бы получить возмещение по иску заявителя и семьи покойного. Поэтому представляется уместным рассмотреть жалобу заявителя по статье 6 в свете более общего обязательства государства-участника по статье 13 Конвенции предоставить эффективные средства защиты в случае нарушений статей Конвенции, включая статью 2, причем статья 13 не сводит это обязательство лишь к возмещению вреда родственникам пострадавшего (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутые решения по делу Аксоя и по делу Айдина, с. 1894—1896, п. 100—103).

(b) Статья 13 Конвенции

106. Суд напоминает, что статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средств защиты, позволяющих добиться соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, независимо от того, как они могли бы обеспечиваться внутренним правом. Таким образом, на основании статьи 13 можно требовать внутреннего средства защиты, чтобы решить жалобу по существу в соответствии с Конвенцией и восстановить нарушенное право, хотя государствам-участникам предоставляется некоторое поле

усмотрения относительно того, как они выполняют свое обязательство по этой статье. Объем обязательства по статье 13 зависит от характера жалобы заявителя, основанной на Конвенции. Тем не менее средства защиты, требуемые в соответствии со статьей 13, должны быть “эффективными” и на практике, и по закону, в том, в частности, плане, что их использованию не должны безосновательно препятствовать действия или, наоборот, бездействие властей государства-ответчика (см. вышеупомянутое решение по делу Аксоя, с. 2286, п. 95; вышеупомянутое решение по делу Айдина, с. 1895—1896, п. 103; и вышеупомянутое решение по делу Ментеша, с. 2715—2716, п. 89).

107. В настоящем деле заявитель жалуется на то, что ему и ближайшим родственникам было отказано в “эффективных” средствах защиты, которые бы помогли прояснить подлинные обстоятельства лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. По мнению Суда, характер искомого права, — одного из важнейших в Конвенции, обуславливает специфику средств защиты, которые должны быть предоставлены родственникам погибшего. В частности, в том случае, когда родственники предъявляют жалобу об ответственности представителей государства за незаконное лишение жизни лица, понятие эффективных средств защиты по смыслу статьи 13 влечет за собой помимо выплаты надлежащей компенсации тщательное и эффективное расследование, которое может привести к выявлению и наказанию ответственных лиц и которое предусматривает реальный доступ родственников к процедуре расследования (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутые решения по делам Аксоя и Айдина). Рассматриваемые в этом свете требования по статье 13 идут дальше, чем процессуальная обязанность государства-ответчика по статье 2 провести надлежащее расследование (см. п. 86—87 выше).

В рассматриваемом деле родственники имели защитимые основания для утверждения, что г-н Абдулменаф Кайя был противозаконно лишен жизни сотрудниками сил безопасности. Мехмет Кайя сделал два заявления в поддержку этого утверждения, которые были основаны на показаниях жителей деревни, которые предположительно являлись свидетелями гибели г-на Абдулменафа Кайя. Кроме того, заявление, сделанное г-ном Хикметом Аксом, в целом соответствовало утверждениям заявителя. В версии событий, представленной сотрудниками сил безопасности, имелся целый ряд моментов, требовавших независимого уточнения. Правда, Суд пришел к выводу, что противозаконность лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя не была установлена. Тем не менее, хотя предположения заявителя не были в конечном итоге сочтены Судом доказанными, это не мешает считать его жалобу защитимой по смыслу статьи 13 Конвенции (см. *mutatis mutandis* решение по делу Бойла и Райса от 27 апреля 1988 г. Серия А, т. 131, с. 23, п. 52). Следовательно, заключение Суда по существу дела требует проведения действенного расследования по сути этого заявления.

108. Суд напоминает о своих предыдущих выводах, касающихся серьезных недостатков внешнего осмотра и судебно-медицинской экспертизы, проведенных на месте происшествия, и того факта, что власти, проводившие расследование, не рассмотрели достаточно внимательно возможные версии, которые могли бы пролить свет на обстоятельства гибели г-на Абдулменафа Кайя (см. п. 89—92 выше). С учетом этого следует сделать вывод, что в нарушение статьи 13 Конвенции заявитель и ближайшие родственники были лишены эффективных средств защиты против властей в том, что

касается смерти г-на Абдулменафа Кайя, и тем самым доступа к средствам защиты, которыми они могли бы воспользоваться, в частности, с целью получения возмещения.

Следовательно, нарушение статьи 13 Конвенции имело место.

V. О предполагаемом нарушении статей 2, 6 и 13 в сочетании со статьей 14 Конвенции

109. Заявитель утверждал далее, что были нарушены его собственные права и права его погибшего брата, предусмотренные статьями 2, 6 и 13 в сочетании со статьей 14 Конвенции из-за дискриминации по признаку этнического происхождения. Статья 14 предусматривает:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам”.

110. Заявитель утверждал, что жизнь его погибшего брата, так же как и жизнь курдского гражданского населения в целом, в юго-восточной части Турции защищена в меньшей степени, чем жизнь лиц не курдского происхождения. Он утверждал, что на курдском населении наиболее неблагоприятно сказывались военные операции, проводимые в этом районе, и что силы безопасности не принимали соответствующих мер, чтобы уменьшить опасность для жизни гражданского населения. Более того, сотрудники сил безопасности относятся к курдскому гражданскому населению как в какой-то степени связанному с РПК. Не делалось никакого различия между террористами и обычными гражданами. Поэтому, хотя его убитый брат был одет как обычный житель деревни, сотрудники сил безопасности и прокурор приняли его за террориста РПК.

111. Правительство ограничилось тем, что вновь отрицало трактовку фактов, на которой заявитель основывал жалобу по статье 2, и утверждало, что в распоряжении заявителя было достаточно внутренних средств защиты.

112. Комиссия решила, что представленные ей доказательства не обосновывают жалобы заявителя по статье 14, тем более что речь идет о нарушениях, которые по заключению Комиссии уже установлены.

113. Суд согласен с выводом Комиссии. Заявитель не представил ничего существенного, что могло бы поддержать его жалобу по статье 14.

VI. О предполагаемом нарушении Конвенции в административной практике

114. По утверждению заявителя, в Турции официально допускаются нарушения статей 2 и 13 Конвенции, что усугубляет серьезность нарушений, жертвами которых стали он и его брат. Он утверждал, что существует административная практика проведения недостаточно полных расследований случаев лишения жизни, явившихся результатом действий сотрудников сил безопасности в юго-восточной части страны; он также утверждал, что нежелание административных органов преследовать по суду лиц, ответственных за нарушение законности, является нормой.

115. Заявитель также утверждал, что власти, как правило, отказываются рассматривать случаи нарушения Конвенции, препятствуя тем самым доступу пострадавших лиц к эффективным средствам защиты. Как следствие, жалобы о предполагаемом противозаконном лишении жизни либо не расследуются вообще, либо расследуются предвзято и недостаточно полно.

116. Ни Правительство, ни Комиссия не сделали замечаний по существу этих утверждений.

117. Суд придерживается мнения, что доказательства, собранные Комиссией, являются недостаточными, чтобы позволить прийти к заключению о существовании какой-либо административной практики нарушения любой из статей, на которые ссылается заявитель.

VII. Применение статьи 50 Конвенции

118. Заявитель потребовал справедливого возмещения в соответствии с положениями статьи 50 Конвенции, которая предусматривает:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

A. Моральный вред

119. Заявитель утверждал, что преднамеренное и неоправданное лишение жизни г-на Абдулменафа Кайя представляет собой нарушение одной из основных статей Конвенции. Его смерть, в которой повинны сотрудники сил безопасности, оставила вдову убитого и его семерых детей без каких-либо средств существования. Он потребовал выплаты 30 000 (тридцати тысяч) фунтов стерлингов Великобритании в качестве возмещения.

Далее он просил Суд о взыскании в его пользу суммы в 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов в качестве компенсации за то, что власти не провели должным образом расследование убийства г-на Абдулменафа Кайя, а также за то, что они настойчиво продолжали утверждать, что он являлся террористом, лишенным жизни в столкновении с сотрудниками сил безопасности. Он также просил дополнительную сумму в размере 20 000 (двадцати тысяч) фунтов стерлингов в качестве компенсации за нарушение статей 6 и 13 административной практикой государства-ответчика (см. п. 114—115 выше).

120. Правительство оспорило право заявителя на присуждение ему какого-либо справедливого возмещения. Оно заявило, что его утверждения были необоснованными и он даже не попытался добиться возмещения по своим жалобам во внутренних судах.

121. Представитель Комиссии не выступил по поводу этих жалоб заявителя.

122. Суд отмечает, что не было установлено, что г-н Абдулменаф Кайя был противозаконно лишен жизни, как это утверждается. Однако, учитывая свой вывод об имевшем место нарушении статей 2 и 13 Конвенции, Суд считает, что вдова покойного и его дети имеют право на некоторую форму

справедливого возмещения в виде компенсации за неспособность властей провести эффективное расследование лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя. В этой связи Суд отмечает, что заявление было подано не только от имени самого заявителя и его покойного брата, но также от имени его вдовы и детей (см. п. 1 выше). Суд присудил 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов в пользу вдовы покойного и его детей. С другой стороны, Суд не убежден в размере убытков самого заявителя при данных обстоятельствах и поэтому не присуждает никакой суммы в его пользу.

В. Судебные расходы и издержки

123. Заявитель потребовал выплаты 19 840,60 (девятнадцать тысяч восьмисот сорока фунтов стерлингов и шестидесяти пенсов) в виде судебных издержек и расходов, понесенных им при подготовке и слушании дела в органах Конвенции. В своих пересмотренных и дополнительных списках издержек и расходов он представил их следующим образом: профессиональные гонорары и издержки, понесенные (1) его представителями в Соединенном Королевстве (15 420,60 фунтов стерлингов) и (2) его турецкими представителями (1000 фунтов стерлингов); работа, проведенная г-ном Абдуллой Кочем и г-ном Седатом Аслантой из Ассоциации по защите прав человека Диарбакыра (250 фунтов стерлингов); расходы по административной поддержке (1950 фунтов стерлингов); расходы на устные и письменные переводы (480 фунтов стерлингов); расходы по участию переводчика в слушании представителей Комиссии (185 фунтов стерлингов); фотокопирование, почтовые и телекоммуникационные расходы (255 фунтов стерлингов); и другие административные расходы, понесенные в Турции (300 фунтов стерлингов).

124. Заявитель не получил судебной помощи со стороны Совета Европы. Он утверждал, что все перечисленные издержки и расходы, фактически понесенные, были необходимыми и разумными по величине *inter alia* с учетом сложности вопросов, связанных с его делом. Он просил, чтобы сумма, присужденная Судом, была выплачена непосредственно его юридическим представителям в Соединенном Королевстве в фунтах стерлингов на названный им счет в банке и чтобы величина процентной ставки по просроченному долгу была установлена в размере 8% годовых.

125. Правительство просило Суд отказать в этих требованиях, поскольку названные суммы не были должным образом подтверждены, не были необходимыми и чрезмерны в сравнении с издержками и расходами при ведении дела турецкими адвокатами.

126. Представитель Комиссии не высказал своего мнения в отношении сумм, требуемых заявителем.

127. Суд, оценивая по справедливости и учитывая уточнения заявителем своих требований, присуждает в пользу адвокатов заявителя в Соединенном Королевстве и Турции сумму в 17 000 фунтов стерлингов вместе с налогом на добавленную стоимость.

С. Процентная ставка

128. Согласно информации, имеющейся в распоряжении Суда, предусмотренная законом величина процентной ставки, применяемая в Соединен-

ном Королевстве на день принятия настоящего решения, составляет 8% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отклонил* восемью голосами против одного предварительное возражение Правительства об отсутствии у г-на Мехмета Кайя статуса заявителя;

2. *Постановил* единогласно, что не было установлено, что г-н Абдулменаф Кайя был противозаконно лишен жизни в нарушение статьи 2 Конвенции;

3. *Постановил* восемью голосами против одного, что нарушение статьи 2 Конвенции в отношении непроведения органами государства-ответчика эффективного расследования обстоятельств лишения жизни брата заявителя имело место;

4. *Постановил* единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по статье 2 Конвенции относительно предполагаемого отсутствия защиты права на жизнь во внутреннем законодательстве;

5. *Постановил* восемью голосами против одного, что нарушение статьи 13 Конвенции имело место;

6. *Постановил* единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по статье 6 п. 1 Конвенции;

7. *Постановил* единогласно, что нарушение статей 2, 6 и 13 в сочетании со статьей 14 Конвенции не имело места;

8. *Постановил* восемью голосами против одного, что

(а) государство-ответчик должно выплатить вдове г-на Абдулменафа Кайя и его детям в течение трех месяцев в качестве компенсации за моральный вред 10 000 (десять тысяч) фунтов стерлингов, конвертированных в турецкие лиры по валютному курсу на день оплаты;

(b) простой процент в размере 8% годовых должен быть выплачен начиная со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты выплаты;

9. *Постановил* единогласно, что

(а) государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев в качестве покрытия издержек и расходов 17 000 (семнадцать тысяч) фунтов стерлингов вместе с суммой налога на добавленную стоимость, которая может взиматься;

(b) простой процент в размере 8% годовых должен быть выплачен начиная со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты;

10. *Отклонил* единогласно оставшуюся часть жалобы заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 19 февраля 1998 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рудольф Бернхардт
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда Ак растоящему решению прилагается особое мнение судьи Гёлькюлю.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЭЛЬКЮКЛЮ

1. К моему величайшему сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства судей в настоящем деле по следующим причинам.

2. В данном деле не было доказано, что господин Кайя имеет статус заявителя по смыслу статьи 25 Конвенции, потому что он не только не обратился к каким-либо национальным властям после лишения жизни г-на Абдулменафа Кайя, но и не предоставил никакой информации о ходе событий или о лицах, вовлеченных в настоящее дело, или о свидетелях происшедшего. Через шесть дней после смерти г-на Абдулменафа Кайя он обратился в Ассоциацию по правам человека в Диярбакыре. Формулировка его жалобы, говорит о том, что он, по-видимому, был составлен другим человеком.

Признание наличия в настоящем деле подлинного заявителя — это не более чем предположение.

3. В течение всего процесса, начиная с момента, когда жалоба была представлена в Комиссию, будучи доставленной в Страсбург из Диярбакыра через Лондон, и до конца публичных слушаний в Европейском Суде по правам человека заявителя никто не видел — ни представители национальных властей, ни члены Комиссии, ни ее представители, которые приезжали в Турцию, чтобы изучить обстоятельства дела.

Заявитель не принимал участия и не способствовал ни в какой мере рассмотрению дела ни в Комиссии, ни в Суде. То же самое касается и предполагаемого свидетеля — очевидца событий, которые являются предметом настоящего дела, г-на Хикмета Аксо, который навсегда исчез сразу же после начала слушаний (см. доклад Комиссии, п. 86—87, 148—149).

4. Несмотря на все эти очевидные факты, Комиссия признала заявление приемлемым и рассмотрела дело по существу, сделав следующий вывод: “Принимая во внимание доказательства... и на основании общей оценки письменных и устных доказательств, Комиссия не может считать несомненно доказанным, что г-н Абдулменаф Кайя был умышленно лишен жизни сотрудниками сил безопасности при таких обстоятельствах, о которых утверждает заявитель” (доклад Комиссии, п. 161).

5. Я считаю, что, вместо того чтобы рассматривать это дело, как это сделала Комиссия, она должна была бы прекратить его в свете обстоятельств дела.

6. Когда Комиссия наконец осознала истинные факты и подлинный характер жалоб такого рода, направленных против Турции, она справедливо решила (уже после того, как рассмотрела заявление Кайя против Турции) в связи с аналогичной жалобой по делу Сиамета Капана от 13 января 1997 г. (см. D. R. 88-A, с. 17), что:

Статья 25 п. 1 Конвенции

“(а) Порядок, предусмотренный этой статьей, основан на праве индивидуальной жалобы, и Комиссия не должна действовать по своей собственной инициативе или же путем *actio popularis*.

(b) Заявители обязаны сотрудничать в проведении процедур по рассмотрению их жалоб, и, поскольку Комиссия полагается на их способность и готовность сохранять и поддерживать жалобы от их имени, она не может

продолжать рассмотрение жалобы в тех случаях, когда такая поддержка не оказывается”.

Статья 30 п. 1 (с) Конвенции

“Сомнения относительно подлинности жалобы и правомерность ее представлена не самим заявителем. Обязанность заявителя — сотрудничать, несмотря на угрозы. С учетом того, что заявитель не появился ни в Комиссии, ни перед ее представителями, и неспособности его представителей представить написанное от руки и подписанное им заявление о его намерениях, они не доказали, что уполномочены выступать от его имени. Отсутствие общего интереса. Исключение из списка дел”.

7. Кроме того, я должен подчеркнуть, что в документах нет доказательств, подтверждающих существование реального заявителя, за исключением заявления, составленного в Ассоциации по правам человека в Диярбакыре.

8. Несмотря на все эти неопровержимые факты, Суд пришел к выводу, что г-н Кайя имеет статус заявителя по смыслу статьи 25 Конвенции, поскольку Комиссия считает, что дело было передано в Суд должным образом и что государство-ответчик потеряло право оспаривать статус г-на Кайя, поскольку предварительно это не было сделано в Комиссии (см. п. 55 *et seq.* настоящего решения).

9. Действительно, Правительство не поставило этот вопрос в Комиссии, но это объясняется тем, что оно не могло этого сделать, поскольку тщательно ожидало до самого последнего момента слушания участия в деле сомнительного заявителя.

10. Однако вместо того, чтобы отказаться от рассмотрения дела в соответствии со статьей 45 Конвенции, Европейский Суд по правам человека счел, что дело было передано ему должным образом, хотя ему была известна подлинная ситуация и он был знаком с решением, которое Комиссия приняла позже, — исключить это дело из списка, в случае если подтвердятся сомнения в подлинности заявления.

11. Хотя вышеуказанные соображения освобождают меня от необходимости рассматривать существо дела Кайя, я хочу в субсидиарном порядке заявить, что я не согласен с выводом, к которому пришло большинство членов Суда в отношении нарушения статьи 2 и нарушения статьи 13.

12. Что касается статьи 2, то я хотел бы всего лишь отметить, что в другом деле (*Гюндем против Турции*) Комиссия решила, что нарушение статей 3,с5 и 8 Конвенции или статьи 1 Протокола № 1 не имело места на том основании, что заявитель не предстал перед Комиссией ни на какой стадии разбирательств (см. доклад Комиссии, п. 145, 148, 150—152), и, таким образом, обстоятельства, на которые он жаловался, не были с несомненностью установлены (см. доклад Комиссии, п. 152, 163, 180 и 182). Я полностью разделяю это мнение. По моему мнению, трудно представить (и абсолютно нелогично), что можно сделать вывод о нарушении каких-либо норм Конвенции, когда обстоятельства дела не были с несомненностью доказаны (особенно когда речь идет о статье 6 и/или статье 13). Далее я должен добавить, что государство-ответчик сделало все возможное для установления обстоятельств дела, как они действительно произошли. Неужели нужно вновь повторять, что позитивные обязательства, принятые государствами — участниками Конвенции, являются всего лишь обязатель-

ствами принимать необходимые меры, а не обязательствами в отношении результатов, которые могут быть достигнуты.

13. Что касается статьи 6 и/или статьи 13, я хочу сослаться на некоторые решения Комиссии.

В решении по делу Айтекина (жалоба № 22880/93, 18 сентября 1997 г.) Комиссия справедливо выразила мнение, что нарушение статьи 2 Конвенции имело место, поскольку государство-ответчик не выполнило своего позитивного обязательства защищать право на жизнь, и что никакого отдельного вопроса по статье 13 не возникало (двадцатью девятью голосами против одного). Комиссия пришла к такому же выводу и в решении по делу Эрги (жалоба № 23818/94, 20 мая 1997 г.) (двадцатью двумя голосами против девяти). В решении по делу Яша (жалоба № 22495/93, 8 апреля 1997 г.) Комиссия пришла к такому же заключению в отношении как статьи 13 (тридцатью голосами против двух), так и статьи 6 п. 1 (тридцатью одним голосом против одного). Следует отметить, что вышеуказанные решения были приняты намного позже, чем решение по настоящему делу (см. также особое мнение г-на Братца и г-на Реффи).

Принимая во внимание то, что жалобы заявителя, касающиеся нарушения статей 6 и 13 Конвенции, основаны на недостаточности расследования по делу о лишении жизни г-на Абдулменафа Кайя, я придерживаюсь мнения, что никаких дополнительных вопросов по этим статьям не возникает.

14. Меня также интересует, как можно сделать вывод об исчерпании внутренних средств защиты, если заявитель не только не обратился в компетентные национальные органы, но и, более того, исчез с места происшествия сразу же после того, как он предположительно сделал заявление официальным лицам Ассоциации по правам человека в Диярбакыре, ограничившись этим.

15. Не подтверждает ли отсутствие подлинного заявителя в данном деле то обстоятельство, что так называемые представители заявителя в Великобритании попросили, чтобы их гонорары были переведены непосредственно на их счета в Соединенном Королевстве в фунтах стерлингов?

16. Я категорически не согласен с решением о присуждении компенсации за моральный ущерб вдове г-на Абдулменафа Кайя и его детям; ни они, ни заявитель не предприняли ничего, что способствовало бы решению дела и подтверждению морального вреда. Разве не является показательным то, что Комиссия ничего не сказала по этому поводу?

17. Что касается неисчерпания внутренних средств защиты, то в дополнение к тому, что касается сомнительного поведения заявителя в настоящем деле, я ссылаюсь на мое особое мнение по делам *Акдивар и другие против Турции* и *Ментеш и другие против Турции*, на которые имеются ссылки в настоящем решении. Внутренние средства защиты, о которых идет речь, существуют, они подлинны и достаточны.